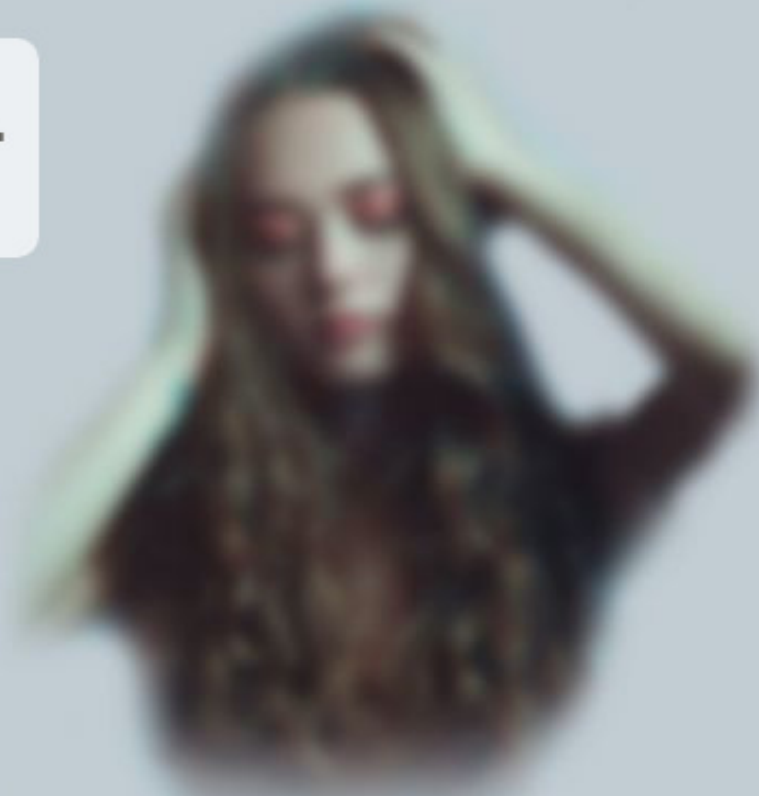

18+

НАДЕЖДА НЕЛИДОВА

Туалетный утенок по имени Стелла

Надежда Нелидова

Туалетный утёнок
по имени Стелла

«Издательские решения»

Нелидова Н.

Туалетный утёнок по имени Стелла / Н. Нелидова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966830-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Прошло уже много времени, а у меня из головы
не идёт эта история. Большой шумный, многолюдный вокзал. Маленькая
девочка-бомж. Окажется ли к ней благосклонная судьба, превратится ли
гадкий утёнок в прекрасного лебедя? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-966830-1

© Нелидова Н.
© Издательские решения

Содержание

ТУАЛЕТНЫЙ УТЁНОК ПО ИМЕНИ СТЕЛЛА	6
Часть 1. Про... туалет	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Туалетный утёнок по имени Стелла

Надежда Нелидова

© Надежда Нелидова, 2021

ISBN 978-5-4496-6830-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТУАЛЕТНЫЙ УТЁНОК ПО ИМЕНИ СТЕЛЛА

С чего всё началось... Прошу набраться терпения и окунуться со мной в захватывающий, острый, животрепещущий и вечный мир – Его Кафельно-фаянсового Высочества Туалета...

Часть 1. Про... туалет

Пенсионеркой на птичьих правах в газете, – как новобранцем в армии – приказы вышестоящего начальства не обсуждаются.

Сказали – написать репортаж к Всемирному Дню туалета – козыряй, ать-два – и отправляйся «драить» унитаз шариковой ручкой. В смысле, писать репортаж.

Клозет в России больше, чем клозет. И не только в России. Из разных источников я узнала много любопытных вещей о скромном герое моего будущего репортажа.

Что уже на стоянках первобытных людей археологи находили подобия отхожих мест. В отдалённых углах пещер существовали ямки и трещинки, любовно выложенные гладкими, отполированными округлыми камнями.

А в Древнем Риме на стульчаках, тоже каменных, для патрициев, их жён, детей и знатных гостей – непосредственно перед использованием восседали рабы. Грели их горячими ягодицами.

И выражение «что естественно, то не безобразно» – пришло, возможно, из древности. Тужиться «на очке» в компании таких же страдальцев – было дело обычным. Найдены туалеты без перегородок на 50 отверстий!

Туалетная бумага пришла из Китая, а до этого пользовались камнями, пучками трав, листьями, просто руками. И даже – садисты! – если верить Рабле, – живыми гусятами! Тепло, мягко и пушисто.

Я узнала, что античные кожевенники с распростёртыми объятиями встречали желающих «отлить». Мочевина применялась в технологии выделки шкур, отлично их смягчая и придавая коже необыкновенную бархатистость и нежность.

В Средневековье ночные вазы богатых горожан украшались золотом и драгоценными камнями. И поставь сегодня перед нами эти произведения искусства – мы бы затруднились определить предназначение столь великолепных сосудов.

Что это: изящная супница? Крюшонница? Или полоскательница для рук? А может, оригинальный вазон для прекрасных роз?

Узнала также, что по средневековым улицам ходили профессионалы в романтических развевающихся тёмных плащах. За небольшую сумму бэтмэны предлагали на улице деликатную услугу. Один взмах – и желающий справить естественную надобность – надёжно скрыт широкой полой от нескромных взглядов.

Дамам было проще и дешевле: они слегка кокетливо приседали, раскинув пышные юбки. Делали вид, что поправляют туфельку или зашнуровывают башмачок. А на балах, чтобы не отвлекаться, использовали для этой цели узкие высокие сосуды. Такие бальные горшки были незаметны под кринолинами.

В кружевных панталончиках портные предусматривали щели... Ну да, для этого самого. И для другого тоже.

В «Мулен руж» танцовщицы в канкане высоко вздымали ножки в панталончиках, демонстрируя исподние кружева с соблазнительной прорехой в самом пикантном месте. А вы думали, господа туда табунами валили, чтобы только ножками полюбоваться?

Но мы забежали вперёд. В средневековых залах со временем полы сгнивали от едкой жидкости. Однажды сквозь пол в подвал с фекалиями провалился король с целой свитой. Короля выловили живым, а вот некоторые придворные то ли захлебнулись в нечистотах, то ли задохнулись в миазмах.

Что уж говорить о бедных кварталах. Выгребных ям и стоков в европейских городах не предусматривалось. Жильцы выплёскивали содержимое помойных вёдер из окон. Чтобы

нечаянно не запачкать прохожего, они бодро, ямщицки покрикивали, что-то вроде: «Поберегись!» Или: «Эх, окачу!».

А слово «унитаз» появилось от благозвучного названия испанской компании «Unitas». Она начала производить первую сантехнику в начале двадцатого века...

Теперь о нашем, родном, отечественном. Перешерстив гору материала, я могла смело засесть за диссертацию на тему «Туалет как зеркало русской действительности».

По состоянию уборных можно было проследить вехи государственного развития. Оказывается, уже Петра Первого смущал «смердный дух» и «зловонные реки». Государя беспокоило, что от воды из этих рек чернела золотая и серебряная посуда. Слишком много в её стенках скапливалось органики. А ведь царь изволил из этих чаш и кубков вкушать яства и питья...

Позже появилась профессия «золотарь». В золотари нанимались пожилые мужики из деревни. Хлебопашество им было уже не под силу, а тут в самый раз. Знай, зачёрпывай из выгребных ям ковшом «золотко» да сливай в бочку. Или ходи, подметай в совок тёплые, дымящиеся лошадиные яблоки.

Вспомните толстовскую старуху Матрёну, муж у которой нашёл «сходную работишку в городу».

«Ну уж работа! Ямы чистить. Приехал намедни, так блевала, блевала, тьфу!»

На что старик Аким миролюбиво ворчит:

«Это точно, сперначала она ровно и шибает, значит, дух-то, а обыкнешь – ничего... А что дух, значит... это нашему брату обижаться нельзя. Одежонку сменить тоже можно»...

После семнадцатого года убирать за господами «золотко» стало некому. Во-первых, как известно, господа все были в Париже. А во-вторых, не для того революция делалась, чтобы угнетённому пролетариату рыться в чужом дерьме. У советских появилась собственная гордость.

Гордому и освобождённому гегемону было не до унитазов. Он планировал мировую революцию, и быстро заморозил и загадил канализации. Фаянсовые лепные, с позолотой, унитазы лопались от выпирающих, иногда в рост человека, наростов.

В народе их называли «красными солдатами». («Мороз был, опять красный солдат в уборной вырос. Иди давай, руби»). Впрочем, говорили шёпотом: за такой крамольный, с контрреволюционным душком, юмор ВЧК по головке бы не погладила.

В буржуйских квартирах с треснувших труб свисали и капали вонючие мутные сосульки. В парадных, на мраморных лестницах и площадках, уже успели выдрать ковры. Но ещё не сподобились расколотить статуи, вазоны и зеркала. Здесь можно было споткнуться о мёрзлые кучки сами знаете чего.

Снег в городах стал повсеместно янтарно-жёлтым, ноздреватым и дырчатым, как от крупнокалиберных пуль. Дамы, которые читали Эжена Сю в оригинале и падали в обморок от слова «кишечник» – утыкали носики в муфты и надушенные остатками французских духов платочки. С ужасом отворачивались от принародно справляющих большую и малую нужду солдат и матросиков.

А чиво, ктой-то недовольный? Запирайте этажи, нынче будут грабежи! Уж я ножичком полосну, полосну! Хорошо! Улица – моя, дома – мои!

Середина двадцатого века стала эпохой хрущёвских объединённых санузлов (прозванных остряками «гаванами»). Это в городе. А на селе – деревянных «скворечников», и то не у всех. Семьи попроще бегали «до ветру» и «на угол» – имеется в виду угол избы. Заодно и огород удобрялся.

Да чего там, позапрошлой осенью я ездила писать про бабушку-вдову бойца Великой Отечественной войны. Бабушка щедро отогрела меня горячим ягодным компотом, который быстро запросился наружу.

Сама она ходила по нужде в голубое пластиковое «поганое» ведёрко. Но предложить мне постеснялась: «Побрезгуете».

Уборная была чистенькая, с выскобленными добела половицами. Тряпичный ободок на стульчаке, на гвоздике подшивка журнала «Техника-молодёжи» за 1958 год. Аккуратно нарезанные четвертушками газеты в детском портфельчике.

Вот только из вырезанного сердечком отверстия вырывался снежный торнадо, норовящий засосать меня в страшные окаменелые недра. Мало того, что у меня придатки, так ещё и цистит обеспечен...

Восьмидесятые годы. СССР – страна доступных благ и бесплатных туалетов – приходила в упадок. Вместе с ней хирели бесхозные общественные туалеты. Те самые, из «Бриллиантовой руки»: типа сортира, обозначенного буквами «мэ» – «жо».

Редко кто рисковал туда заходить: разве торчки, нюхавшие клей «Момент» и лак «Прелесть». В этих городских нужниках, с концентрированными лужами в бетонных ямках в полу, с выбитыми лампочками, можно было без декораций снимать фильмы Хичкока. Конечно, предварительно снабдив режиссёра, операторов и актёров средствами химзащиты первой степени.

Располагались туалеты обычно в глубоких подвалах, похожих на бункеры. А что, очень даже возможно, были бомбоубежища на случай войны...

Но даже такие туалеты были роскошью.

Некстати вспомнилась поездка в Москву в год Олимпиады. Мы, три подружки, опрометчиво надулись от пуза рекламируемой на вокзале «фантой».

И вот уже час, поскуливая и ойкая, бегаем по густонаселённому району столицы. Напрасно ищем благословенную сень, под которой можно сделать маленькие невинные девичьи дела.

Даже нет намёка на народный туалет. Мы в отчаянии, готовы перешагнуть через приличия. Но деревца вокруг чахлые, кусты прозрачные. А если парк гуще – то гуляют мамочки с колясками или пенсионеры с собачками.

Кто из нас трёх произнёс бессмертную фразу: «Пусть лучше лопнет моя совесть, чем мой мочево́й пузырь»?

Какое счастье, что на дверях подъездов ещё не появились кодовые замки! Мы, деревенские девчонки, наивно надеемся на чудо. Что позвоним в первую попавшуюся дверь и «попросимся». За деньги, разумеется.

В деревне-то бы нас пустили, конечно. Ещё бы за стол усадили да расспросили о житействе, да в баньке попарили, да спать уложили. А хозяин бы ещё и подмигнул, и выдал что-нибудь народное:

Если ты поср..., зараза,

Дёрни ручку унитаза.

Ну а если нет такой,

Подтолкни хамно рукой.

Мы бы засмущались, а хозяйка бы толкнула мужа в бок и крикнула: «Чо мелешь-то, похабник! Девоч в краску вгоняешь!».

...В основном двери квартир враждебно молчат: граждане на работе. Одна старушка, высунув костяной носик через цепочку, выслушивает нас и в ужасе захлопывает дверь. Мы отчаянно и мстительно переглядываемся. В лифте взмываем на самый верхний этаж.

У нас нет пышных кринолинов. У мусоропровода мы закрываем друг друга по очереди пластиковыми пакетами, только входившими в моду. Ручейки журчат, ширятся, сливаются

в устьяца. Подбегают к краю лестничной площадки и... водопадиком устремляются в пролёт с высоты четырнадцатого этажа.

– Это не мы. Это собачка пописала, – резюмируем мы. – Три собачки.

И бесшумным стадцем, пряча друг от друга глаза, стараясь не цокать копытцами, спускаемся почему-то по лестнице.

О, если бы разгневанные москвичи застали нас на месте преступления! Думаю, мы добрались бы до вожделенных унитазов, но в несколько растерзанном, не в целом виде...

Москвичи свершили бы над нами суд Линча, с наслаждением расчленив кухонными ножами, сечками и топориками, пропустив через мясорубки в фарш. И, распределив по квартирам, спустили порционно в унитазы, в Москву-реку. Выместив, таким образом, всё вместе взятое благородное, снобистское негодование коренных жителей на понаехавших.

А вы думаете, что послужило последней (в прямом смысле) каплей, переполнившей чашу столичного терпения? Откуда взялась эта вечная распря кошек и собак, провинциалов и москвичей? Кто её начал? Мы, три деревенские девчонки, и начали.

Следующий этап: перестройка, плодящиеся как грибы, фирмы и кооперативы. Разрешено всё, что не запрещено. Инициативный народ быстро сообразил, что туалеты – это Эльдорадо, золотое дно, тёплая живая «нефть», неиссякаемая скважина!

Впервые я посетила кооперативный туалет в Минводах. Билетики отрывал молодой, атлетического сложения парень. Прямо туалетный Аполлон восседал передо мной.

Его ничуть не смущала прекрасная слышимость из-за хлипких перегородок. С женской и мужской половин отчётливо доносились недвусмысленные физиологические звуки.

Мощный звон (о простите!) тугих струй – диапазон, от нижней до верхней «до». Разнообразные рулады вырывающихся газов. Облегчённое кряхтенье и (простите, простите меня!) смачное шмяканье.

Я, с растерянной блуждающей, дурацкой улыбкой искала мелочь. А Аполлон сидел с непроницаемым лицом. Для него не существовало женщин и мужчин. Мы все для него были средним родом, источником прибыли, денег. А деньги не пахнут.

Ещё помню мобильный биотуалет в московском парке. Там работали две улыбающиеся прехорошенькие китайки со смоляными каре. Тогда эти причёски только входили в моду.

Сестра толкнула меня в бок и сказала: «Вот как тебе надо стричься. А то ходишь, как не знаю кто...»

В крошечном переносном туалете присутствовало всё необходимое. Зеркало, отрывное бумажное полотенце, ароматизированная тройная туалетная бумага, на ощупь как пух. Одноразовые мягкие накладки на ободки, никелированная коробочка с жидким душистым мылом. На полочке теснились освежители воздуха разных сортов.

Сестра толкнула меня в бок и сказала: «Жить бы здесь осталась».

Постепенно кооператоры сменили названия на ЧП и ИП. Обвыклись, присмотрелись. Убедились, что контролирующих организаций на горизонте не видно (спасибо Митрию Анатоличу: «Хватит кошмарить бизнес»).

Что клиенты бессловесны, безропотны и терпеливы. И если за неухоженные, загаженные «тубзики» народ готов платить те же деньги, что и за чистые туалеты – зачем их мыть?!

Но это экскурс в прошлое. А мне-то надо писать репортаж о состоянии сегодняшних общественных туалетов.

Для чистоты эксперимента, с утра я выпила три чашки кофе. И уже к обеду нетерпеливо переминалась, пританцовывала и мурлыкала под нос:

*Хорошо быть кисою,
Хорошо – собакою.
Где хочу – пописаю,
Где хочу – покакаю.*

Тщетно я искала взглядом «нужный чулан». Ну, правда: очень, очень мне в данную минуту нужный! Город глухо и немо, стойчески держал оборону от таких «гадёнышей», как я.

Меткое определение «гадёнышей» – мне и мне подобным – дала санитарка из центральной районной больницы.

Ибо куда в первую очередь обращают взоры и направляют стопы страждущие, болящие и нуждающиеся в утешении и облегчении? Конечно, к милосердным людям в белых халатах, готовым протянуть руку помощи, давшим клятву Гиппократу.

На первом больничном этаже на дверях туалета висела исчерпывающая табличка «Ремонт. Унитаз течёт».

На втором не стали опускаться до объяснения причин, а просто закрыли – и всё. В надежде, что мало кто из немощных больных вскарабкается на третий этаж.

Тех, кто, хватаясь за перила и задыхаясь, взбирался, ждала санитарка. Она хищно нарезала вокруг медицинского гальяона акульки круги, стараясь не удаляться дальше трёх метров. И всё будто находила какое-то заделье.

То деловито переносила стопки каких-то полотенец. То поливала поблизости чахлый, умирающий от избытка воды гибискус в кастрюле. То бдительно садилась на стульчике рядом, держа между широко расставленных ног швабру, как чеченец – автомат Калашникова.

Едва появлялся робкий «гадёныш» и пыталась проникнуть в неприкосновенное помещение, посягнуть на святое святых – уборщица хватала швабру и устремлялась вслед. Она бешено гремела ведром под раковиной и орала, перекрикивая шум воды:

– Что вам больница – отхожее место?! Сюда люди лечиться приходят, а не гадить! Мне за ваше гамно деньги не платят! Вот уволюсь, ей Богу, уволюсь, хоть все в дерьме потоните! (Это уже в адрес администрации, которая не слышала).

Когда жертва, в ужасе натягивая штанишки и писаясь на ходу, уносилась прочь – Церберша удовлетворённо садилась на стульчик. И кивала мне, сообщнице и свидетельнице происшедшего:

– Вот же засранцы. И откуда в людях столько дерьма? И гадят и гадят, и гадят и гадят. Ишь, приспособились. Нашли себе отхожее место.

Иногда санитарку вызывали, и она очень нехотя, оглядываясь, покидала пост. В ней бурлила классовая пролетарская ненависть. Ей было больно видеть, как «гадёныши» метят её территорию.

Впрочем, она быстро возвращалась. Тревожно вглядывалась: не было ли подлых поползновений в её отсутствие? Она грозно кружила вокруг туалета, как матка вокруг гнезда.

Зачем, зачем она это делала, задавала я себе вопрос. И нашла, наконец, ответ: как мазохист, она давила на своё больное место, снова и снова причиняя себе сладкое страдание. Она уже не могла жить без этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.